

НОВЫЙ ЖУРНАЛ

Основатель М. О. ЦЕТЛИН

THE NEW REVIEW
RUSSIAN QUARTERLY

под редакцией
М. М. КАРПОВИЧА

XII

Н Ъ Ю - И О Р К

1 9 4 6

ГОГОЛЬ В НИЦЦЕ

Из мальпоста, поддерживающего ежедневные сношения между Туринном, Генуей и Францией и остановившегося 2-го декабря 1843 г. в Ницце у Hôtel des Etrangers, вышел, зябко укрываясь широким италианском плащом, путешественник в белой поярковой шляпе с широкими краями. «Низенький, сухощавый, с весьма длинным, заостренным носом, и прядями белокурых волос, падавшими на маленькие, прищуренные глазки», господин этот дал распоряжения насчет своих вещей, указав адрес в районе Croix de Marbre и назвав звучное иностранное имя.

Путник этот был Гоголь, ехавший из Дюссельдорфа, куда он, наконец, выбрался после мучительного восьмимесячного пребывания в Риме. Ему давно следовало покинуть раскаленную атмосферу города, в котором, случалось, удушливый сирокко, наполняя воздух палящим жаром, заставлял Гоголя страдать, суша его кожу, и вызывая болезненный, яркий румянец на щеках. Тщетно лова «каждый свежий ток», Гоголь запрокидывал тогда голову, чтобы успеть «перехватить» редкое дуновение ветерка.

По ночам он страдал от длительного замирания и обмороков, так что даже опасался ложиться в постель и зачастую просиживал до утренней зари в комнате соседа своего П. В. Анненкова, опустив голову на руку и дремля на соломенном диванчике.

Задерживало его в Риме пребывание там друга его поэта Н. М. Языкова, прикованного болезнью ног к креслу, в котором он сиживал в садике при снятой для него стараниями Гоголя и художника А. А. Иванова квартирке. Обычно, вид страданий был невыносим для Гоголя, но когда шел вопрос о друзьях «картина помощи приводила его в лирическое настроение». Не в силах оторваться от Языкова, Гоголь про него писал в Москву П. А. Плетневу: «он... на руках моих».

Однако, под конец, оставаться долее в Риме стало Гоголю все-же не под силу. Он выбрался через Флоренцию в Германию, где побывал в Баден-Бадене у Жуковского. Оттуда его потянуло в тепло. «Зима в Германии просто мерзость и не стоит подметки нашей Русской зимы», пояснял он Языкову. «Зима в Италии для меня необходима».

Но не одни заботы о здоровье больного друга своего и своим собственном осложняли жизнь Гоголя: тяготили его невероятно и вопросы денежные. «Я сижу на совершенном безденежье», жаловался он еще в конце 42 г. Плетневу, а в начале 43 г. прямо писал С. Т. Аксакову: «Вы должны, соединившись втроем: вы, Шевырев и Погодин, взять на себя дела мои на три года. От этого все мое зависит — даже самая жизнь».

Гоголь с тем большим правом считал возможным обратиться с этим требованием к своим друзьям, которым, уезжая из России, поручил наблюдение за печатанием своих сочинений и их продажей, что уже ряд лет работал над созданием своих «Мертвых Душ», первые главы которых с таким успехом читал в свой приезд в 1841 г. в Москве у кн. П. А. Вяземского. Тогда еще он писал Аксакову: «меня теперь нужно лелеять не для меня, нет...» и, называя себя глиняной вазой, продолжал: «конечно, эта ваза теперь вся в трещинах, довольно стара и еле держится, но в этой вазе теперь заключено сокровище».

Ожидая теперь возможного улучшения денежных своих обстоятельств Гоголь решил по крайней мере воспользоваться южным теплом, столь необходимым для его «скудельного состава», одряхлевшего в результате перенесенных за последние два-три года гемороида, золотухи и желудочных болей. Выбрав для своего пребывания манившее его залитое солнцем Ниццкое побережье, Гоголь, действительно, немедленно по прибытии мог писать Жуковскому: «Ницца — рай: солнце, как масло, ложится на всем...»

Ницца встретила Гоголя, как встречала она всех приезжающих и как об этом красноречиво писал, напр. в своем «*Voyage aux Alpes Maritimes*» побывавший здесь в начале 19-го века *Sylvestre Papon*: «Я приехал в Ниццу в день Рождества, после полудня. Небо было чисто и ясно, солнце грело, а море спокойно, как зеркальное. У меня на всю жизнь сохранилось впечатление, что была весна». То же говорил в своем письме к Жуковскому и Гоголь, сообщая ему вскоре по прибытии, что он в Ницце «делил солнце» с семьей гр. Вильегорского, к которым он по их настойчивой просьбе переехал из снятой им было квартиры на **Route de France**, подле виллы Смирновой, своей давнишней приятельницы.

С Виельгорскими Гоголь познакомился в свое время через нее еще в Санкт-Петербурге. Семья состояла из графа Михаила Юрьевича, веселого и живого человека, талантливого музыканта и образованного любителя искусств, жены его, Луизы Карловны, недоступной светской женщины, чрезвычайно однако доброй и исключительно заботливой и нежной матери, и пятерых детей. Сыновья, Иосиф, товарищ по воспитанию Наследника Престола Александра Николаевича, и Михаил, с детства хромавший, не отличались особым здоровьем; дочери, старшая — Софья, с 1840 г. замужем за гр. В. А. Сологубом, Аполлинария и Анна, проживали с матерью в Ницце, ведя тихую, семейную жизнь, и скрашивали этим существованием «душа в душу» тяготившую мать разлуку с оставшимся при Дворе в Петербурге горячо ею любимым мужем.

С семьей этой Гоголь сошелся особенно близко после смерти в 1839 г. в Риме «у него на руках» многообещающего, даровитого Иосифа, в котором многие видели в будущем «правую руку Царя» и о котором сам Гоголь отзывался, как о «будущем украшении» царствования Александра Николаевича. Простудившись на пожаре Зимнего Дворца Виельгорский, которому незадолго до того осколок разорвавшегося на испытании артиллерийского снаряда сильно ранил бок, схватил ревматизм в бедре; болезнь перешла на легкие и, когда его отправили лечиться в Рим, не было уже никакой надежды на излечение. Гоголь, говоривший: «мы давно были привязаны друг к другу, давно уважали друг друга, но сошлись тесно, неразлучно и решительно братски только, увы! во время его болезни», не отходил от больного, живя, как он выражался, «его умирающими днями». Он проводил бессонные ночи у одра харкавшего кровью друга, которого ему не надолго «дала судьба в то время, в ту эпоху жизни, когда друзья уже не даются».

Поселившись в дружной и столь гармонизировавшей с настроением самого Гоголя семье, считавшей себя искренно обязанной ему за его заботы об умершем юноше, Гоголь быстро завоевал полное доверие «старой графини» Луизы Карловны, поверявшей ему все свои горечи и невзгоды, порожденные потерей горячо оплакиваемого ею сына, невольной разлукой с обожаемым с детских лет мужем и опасениями за здоровье старшей дочери. Несмотря на всю любовь свою и глубокое уважение, которые питал Гоголь к этой внешне холодной, но связанной с ним своими мистически-религиозными стремлениями светской даме, переживания ее зачастую доку-

чали и без того нравственно неуравновешенному Гоголю.

Он спешил тогда покинуть на-время гостеприимный кров и уходил куда-нибудь подальше, в горы. Графиня считала, что Гоголь «очень много способствовал к утешению ее уныния». Гоголь же отнекивался и «как прямой и честный человек», заявлял, что ее «обманула собственная доброта души» и что только перед самым его отъездом из Ниццы графиня, «исполняя просьбу уезжающего стала покойной».

Перейдя постепенно на роль «утешителя-друга», Гоголь, по своему обыкновению, усмотрел в этом перст Божий и утверждал, что «Провидение не без цели поместило его» в доме Виельгорских, а свое призвание видел в вызывании «душевных ответов», которые должны были препятствовать графине и ее детям предаваться унынию, в которое они впадали под впечатлением жизненных неудач*).

Гоголь сблизился особенно с третьей дочерью Виельгорских — Анной Михайловной, в которой он стремился вызвать интерес к русской литературе, русскому языку, всему «русскому» вообще. Она привыкла, как и остальные члены семьи, изъясняться преимущественно по-французски, так что даже в одном из своих писем к Гоголю позднее указывала: «мой русский язык не похож на язык прочих русских. Однако-же, добавляла она, вы в Ницце меня всегда понимали и даже никогда не смеялись надо мной, когда я с вами говорила».

Говорила она, видимо, много, и вскоре между ними установились самые дружеские отношения, позволявшие Гоголю называть ее «добрым другом», «благоуханнейшей» и «благодатной». Виельгорская же себя величала его «приятельницей» и, забавляясь чтением «Вечеров на Хуторе», говаривала что не узнает Гоголя в его сочинениях: «вы, кажется, очень далеко ушли с этого времени», был ее вывод.

В дальнейшем, как известно, интимная дружба с Анной Михайловной, породила в Гоголе несбыточную мысль видеть ее своей женой, мечту, от которой ему пришлось, однако, отказаться из-за неравенства их социального положения.

*) Влияние Гоголя было так благотворно, что, напр., гр. С. М. Сологуб в 1845 г., в Париже, сильно расстроенная светским, рассеянным образом жизни мужа, прямо заявляла, вспоминая дни, проведенные с Гоголем в Ницце: «Il me faudrait deux ou trois bonnes conversations avec notre cher ami pour me calmer et me remettre sur la bonne voie».

Проживали Виельгорские в Ницце в доме г-жи **Paradis**, владения которой простирались от улицы, носящей теперь ее имя и, доходя почти до самого моря, граничили с теперешней **Place Masséna**, от которой были отгорожены до 1836 г. высоким забором.

На площади красовались только что отстроенные семьей **Tiranty** два огромных дома, послуживших в дальнейшем основой для застройки почти единственной в Ницце стильной площади. Тут-же проходила **Route de France**, ставшая позднее **Rue de France**, обнесенная с двух сторон заборчиками выходявших на нее огородов и оградами редких усадебных владений. Неприязательный **Paillon**, «славный южный поток без воды и без претензий», по выражению одного хроникера того времени, достигал здесь морских берегов.

Сообщая Языкову о своем времяпрепровождении в Ницце, Гоголь 21-го декабря — 2-го января 1844 г. писал ему: «живу я в виду небольшого хвостика моря, на которое, впрочем, хочу глядеть вблизи». Один из современников сохранил в своих заметках воспоминание о том, как Гоголя здесь, как и несколько позднее в Остенде, можно было видеть в строго соблюдаемые им часы на уединенной прогулке «в черном пальто и в серой шляпе, бродящим взад и вперед, с наружным выражением глубокой грусти».

Поселившись в Ницце у друзей, Гоголю удалось избежать по крайней мере тех денежных забот, о которых он так чистосердечно писал как-то Иванову: ...у меня бывали такие времена, когда я не знал, как проживу завтра». Теперь ему возможно было на одну тысячу, полученную по приезде в Ниццу от Жуковского, протянуть здесь два месяца, как он и пояснял в своем письме Шевыреву: «с этой тысячей я прожил до февраля месяца, благодаря между прочим и моим добрым знакомым, которых нашел в Ницце, у которых почти всегда обедал, и таким образом несколько сберег денег».

Тысячу эту Гоголь выпросил у Жуковского в первом же письме, отправленном ему из Ниццы, и указал, что деньги следует переслать через известного тогда в Ницце еврея — банкира Авигодора.

На счастье Гоголя деньги, действительно, быстро дошли и немедленно были ему выплачены в банкирской конторе Самуила Авигдора, помещавшейся в большом доме, купленном у наследников графа Кокконато, на *Piazza Vittorio*, переименованной впоследствии в *Place Garibaldi*. Здесь потомок «великого» Исаака Авигдора, основателя этой влиятельной и богатой семьи, появившейся в Ницце еще в 17-м веке, вел свои многочисленные и разнообразные финансовые дела, пользуясь особой привилегией, дарованной ему Сардинским королем, ставшим после падения Наполеона властителем Ниццы. Льготы эти выделяли Авигдора из среды загнанного было в гетто еврейского населения города. Авигдор был даже с 1824 г. Консулом Прусского Короля.

Помимо Виельгорских особенно близка была Гоголю в Ницце Александра Осиповна Смирнова, прославленная в свое время под своей девичьей фамилией Россет еще Пушкиным, утверждавшим, что она «в тревоге большого света» сохранила:

«Простое сердце, ум свободный
И правды пламень благородный

И как дитя была добра».

Выйдя замуж за церемониймейстера Н. М. Смирнова, позднее занимавшего пост Калужского губернатора, она много проживала за границей и из Ниццы, где она занимала виллу *Lilles*, как добрая хозяйка, не забывая Гоголя, посылая ему свои прославленные пироги и в Рим, когда он там находился. Гоголь, обретший в Смирновой соединение острого, пытливого ума с пылким, порою необузданным темпераментом, а, главное, глубоко-религиозное настроение, так отвечавшее его душевным исканиям, в своих переездах по Европе невольно следовал за ней. Взаимное тяготение этих двух мятущихся и искавших нравственного совершенствования душ давало повод к злословию и многие современники отмечали «увлечение» Гоголя «сиреной» и «коварной Цир-

цей», как они называли, быть может, не совсем без оснований, Смирнову.

Частые встречи с ней, не бывшие тайной и для отсутствующих друзей, дали между прочим повод А. С. Данилевскому, старому другу детства, сделать в письме к Гоголю явно не пришедшиеся ему по вкусу намеки. Гоголь в своем ответном из Ниццы письме поэтому коротко писал: «ты спрашиваешь, зачем я в Ницце, и выводишь догадки насчет сердечных моих слабостей. Это, верно, сказано тобою в шутку». Этой дружеской отповедью Гоголь, не желая входить в бесполезное пояснение своих отношений к Смирновой, как бы пресекал дальнейшее неприятное ему многословие.

Как бы там ни было, но в обществе Смирновой, Гоголь бывал «доволен и счастлив», а его «очаровательница», подверженная часто жестоким припадкам хандры, «страдающая от сознания утраты молодости и свежих душевных сил, от собственных увлечений и неумения себя сдерживать», находила облегчение в остроумной и живой беседе с Гоголем, обретая в нем «поверенного своих нравственных мук».

Дочь Смирновой, говоря впоследствии о больной матери и искренней дружбе, связывавшей в свое время ее с Гоголем, вспоминала: «мать болеет, потому что некому ее занять беседой; я помню, в Ницце Гоголь постоянно ее развлекал, когда она нервничала». Вспоминала она, что Гоголь много шутил и от души разговаривал. Частенько читал он Смирновой произведения чужие и свои, особенно «Нос», который Смирнова очень любила. Занимал он и детей Смирновой, заставляя их читать в лицах Мольера, причем сам, в качестве режиссера и суфлера, прятался за ширмами.

Хаживал Гоголь зачастую с Смирновой и Мих. Мих. Виельгорским по набережной, восхищаясь каждым красочным переливом солнечного освещения на горах и на волнах расстилавшейся перед зрителями морской дали. Встречал он здесь и знакомую еще по Москве семью Мещерских. Наконец, частым спутником бывал граф Владимир Александрович Сологуб, с которым он постоянно встречался в семье Виельгорских. Одаренный писатель, считавший себя, однако, как он сам говаривал, лишь «прикомандированным к русской литературе», вел в Ницце блестящий светский образ жизни, злоупотребляя, по собственному выражению, «слабостью, свойственной всем пишущим людям, шататься всюду и везде». Гоголь, ценивший высоко его блестящее дарование, «его правильный, ловкий у светский язык, остроуту и наблюдательность», упрекал Сологуба в том, что он не хочет «строже и

отчетливее взглянуть на жизнь». Уговаривая его безрезультатно «хоть два часа в день сидеть за письменным столом и принуждать себя писать», Гоголь в письме к Языкову поэтому про него досадливо сообщал, что он «охотник больше ездить по вечеринкам, чем писать».

**
*

А ездить было куда. Предприимчивые ниццары в поисках доходов находили успешное применение своим капиталам в постройке новых и удобных домов в районе *Croix de Marbre*, сдавая их в наем приезжим на сезон*).

Еще Шарль Альбер, унаследовавший в 1831 г. сардинский престол, в своем журнале сделанной им в 1836 г. поездки в Ниццу, записал о том, что по его сведениям иностранцы за зиму дали до 50 балов и что, когда вечером нечего было делать, можно было постоянно «танцевать у какой-нибудь шестидесятилетней лэди, скакавшей, как угорелая».

Отметил это, в своих мемуарах между прочим и *Victorien Sardou*, впервые попавший в Ниццу в 1839 г. *A. Mazon* в своем посвященном Ницце очерке отмечал: «Балы и званые вечера занимали в жизни иностранной колонии львиную долю, причем самые блестящие празднества устраивались именно в домах иностранцев».

Русские занимали очень заметное место среди остальных иностранцев, понемногу даже оттесняя англичан, которые первыми высоко оценили достоинства входившего в моду города. Стало замечаться как-бы охлаждение восторженного восприятия южной красоты со стороны представителей британской империи. Как-то «*Indépendance Belge*» в своей корреспонденции из Ниццы сочло даже нужным отметить упреки, которые местные англичане делают в шутку русским в том, что они в благословенный южный уголок занесли свой «негостеприимный климат». Действительно, бывали дни, когда выпадало до 30 сантиметров снега, правда, тут же таявшего на глазах у зрителей, но все же позволявшего любителям делать из снега фигуры, быстро исчезающие под лучами зимнего солнца.

*) В 1843 г. считали до тысячи квартир, сдававшихся на сезон в городе и двух предместьях, и 300-400 приезжих иностранных семей.

Русские вносили зато во все начинания, в которых они принимали участие, исконную русскую непринужденность и свойственный им пыл. Один из постоянных ниццких сезонных гостей того времени **Rassard** в своем журнале записал, например, о Карнавале: «На 'променаде' было очень оживленно. Особенно живое участие в празднике приняли русские, проявившие свою обычную горячность». Свой Новый Год русские обычно отмечали роскошным фейерверком, который они сжигали в полночь на *Quai de Midi*, теперешнем *Quai des Etats-Unis*.

Ниццкий старожил и наблюдательный участник всех светских празднеств — барон **de Bezancourt** — заявлял поэтому без всяких обиняков в своих «*Soirées d'Hiver à Nice*»: «Я завидую русским за их веселье и предприимчивость, за их неумный порыв развлекаться и чистосердечный веселый нрав. Им и в голову не придет в беспокойстве разглядывать заботливо по-утрам в зеркале, не серебрят ли виски седой волосок, который бы дал им печальное право не считать себя более молодыми. Да, русские умеют веселиться!»

Все эти собрания иностранцев, а особенно вкрапленных в общую массу русских, представляли для всегда все подмечавшего Гоголя обширное и увлекательное поле для наблюдений. Со слов очевидцев один из первых биографов Гоголя, П. А. Кулиш отмечал, как еще летом, проездом в Баден-Баден, Гоголь частенько говаривал: «пойду полюбоваться, что там Русские делают за табльдотом», и ходил в гостиницы и другие публичные места, «как ходят в кунсткамеру».

При встрече с знакомыми завязывалась беседа или, вернее, Гоголь давал говорить встречному, «что в голову приходит», как вспоминала позднее А. М. Виельгорская, а сам слушал, «тихонько улыбаясь и закручивая усы». Зоркий глаз Гоголя постоянно следил за переживаниями собеседников, за всем характерным в их чувствах и действиях. Он мог проводить целые часы с людьми, вызванными им умело на разговор, будь-то фабрикант, мастеровой, коннозаводчик или владелец поместья, причем все нужные ему сведения Гоголь заносил в свои «записочки». Эта особенность — собрать с человека нужный ему материал, как пчела собирает мед с цветка, в свое время вызвала у Пушкина, как известно указавшего Гоголю темы для двух его наиболее великих произведений, досадли-

вое замечание: «с этим малороссом надо быть осторожнее, он обирает меня так, что и кричать нельзя».

Гоголь не любил работать, когда был один, и чувствовал скуку, не понимая, например, Пушкина, который особенно охотно работал в деревне, где запирался в одиночество. Гоголь как-то пояснял С. П. Шевыреву, что «чем веселее провел канун, тем вдохновеннее возвращался домой». В этом смысле Ницца должна была давать Гоголю полное удовлетворение, будучи полна жизни, движения, и суеты; в своем «журнале» пребывания в Ницце Paccard писал, например, о *Route de France*: «по ней непрерывно движутся почтовые кареты, дилижансы, всякого рода экипажи, а также лошади и мулы, нагруженные всяким продовольствием...»

Среди друзей, объединившихся вокруг общительной и радушной Смирновой, Гоголь не мог себя чувствовать одиноким. Действительно, говоря много позднее о времени, проведенном Гоголем в Ницце, С. М. Сологуб, вспоминая покойного друга, называла его «веселым и любезнейшим».

Когда-же Гоголю приходило в голову побыть одному, он уходил на уединенную часть побережья на восток от *Paillon*. Здесь от самого устья до примерно теперешней *Rue Meyerbeer*, по морскому гравию была только что заложена, старанием, главным образом, местной английской колонии, дорога, шириною в два метра, немедленно облюбованная для прогулок праздным населением Ниццы и впоследствии получившая название *Promenades des Anglais*. По этому шоссе, тянувшемуся вдоль самого моря и ограниченному с другой стороны заборами выходящих на него владений, «в поэтическом и прелестном беспорядке двигались вперемежку экипажи, всадники и пешеходы», как восторженно отмечал, говоря об этом времени, *Victor Emmanuel*. Живописность прогулки усугублялась множеством нищих в пестрых отребьях, просивших настойчиво помощи у гулявшей празднично настроенной толпы.

С детства обожавший наряды Гоголь мог здесь наглядеться на разодетых по последней моде представителей местного, а особенно иностранного света. *Chevalier Paccard*, проведенный ряд сезонов в Ницце около 1850 г., отметил в своем журнале: «на улицах все попадают очень разодетые дамы пешком или в колясках, запряженных одной или двумя лошадьми; многие из них очень элегантны...» С своей стороны, Александр Дюма, побывавший в Ницце в 1840 г., в своих «Заметках путешественника» писал: «в Ницце имеется место для прогулок, так называемая Терраса, равной которой, по-

жалуй, не сыскать во всем свете. Тут всегда бродят толпы бледных, как бы немощных женщин, у которых, повидимому, нет сил жить где-бы то ни было кроме Ниццы и которые каждый год приезжают зимой помирать сюда... Зато мужчины все как бы дышат здоровьем...»

Гоголь постоянно следил за модным цветом фраков или последней расцветкой галстуков, которые он, любя рукодельничать, зачастую сам кроил из кисеи и батиста. Он и в Ницце, по свидетельству Смирновой, хвалился перед ней своими «галстуками». «У меня, хвастался он, три: один парадный, другой — повседневный, а третий — дорожный, потеплее». И тут же добавлял: «Я большой франт на галстуки и жилеты».

Пристрастие это сохранилось у Гоголя на всю жизнь и, как известно, среди немногих вещей, оставшихся после его смерти, нашлось несколько синих жилетов с металлическими пуговицами, о которых он так мечтательно писал нежинскому приятелю своему Высоцкому еще в 1827 г., в первый приезд свой в Петербург.

**
*

Живя в Риме, Гоголь научился довольно свободно изъясняться на итальянском языке и даже раз как-то без всякой подготовки произнес речь на нем в какой-то остерии, находясь в обществе итальянских художников. Знание языка позволяло ему, как он любил, смешиваться с толпой, чтобы понять ее и изучить местные особенности. Гоголь, конечно, себя имел в виду, когда в герое своего очерка «Рим» писал: «он старался узнавать более и более свой народ. Он его следил на улицах, в кафе, где в каждом были свои посетители. Следил в остериях, следил его в загородных живописно-невзрачных трактирчиках. Он вмещивался охотно в разговор. Но более всего он имел случай узнавать его во время церемоний и празднеств, когда всплывает наверх все народонаселение».

Eugène Emmanuel, прославленный позднее автор «Canson Niçardi», возглавлявший группу талантливых воспитанников Лицея, как раз незадолго до приезда Гоголя вывел на сцену театра марионеток в Collège des Jésuites персонаж-буфф в лице ниццкаго крестьянина Мартена. Пользуясь просвещенным покровительством всесильных тогда в Ницце иезуитов, автор давал волю своему острому языку перед избранным обществом, заполнявшим до отказа залу театра и возглавляемым местным епископом и председателем Сената. Здесь Гоголю довелось познакомиться со многими

смешными чертами ниццкой жизни, над которыми **Emma-nuel** устами выдуманной им карикатурной фигуры на фоне декораций, написанных молодым тогда еще **Trachel'**ем, язвительно и зло издевался.

Еще более непосредственное впечатление от Ниццы и ее населения ядовито-наблюдательный Гоголь мог вынести из личного общения с ниццарями на рынках и торжищах, празднествах и гуляниях. В своем опубликованном на 1844 г. «Путеводителе по Ницце» известный естествоиспытатель того времени **Antoine Risso** охарактеризовал ниццаров, как «ласковых, сговорчивых и человеческих, но с гордым характером». Автор дальше подчеркивал их «живое воображение, умение легко схватывать» и указывал, что «народ постоянно ищет всего что может его развлечь, повеселить и занять».

Этот полуофициальный отзыв о жителях Ниццы значительно расходился с впечатлением, которое создалось несколько позднее у внучки Люсьена Бонапарта **Princesse de Solms**, славившейся, правда, своим злым языком, и проведенной здесь несколько сезонов; она об аборигенах писала: «они ни о чем не заботятся и ленивы, а живут, проводя дни праздно в кафе и за стойками, или же в тайных притонах». Гоголь, которого вряд ли мог особенно затруднить тот своеобразный диалект, на котором объяснялись между собой обитатели залитого солнцем края, где он искал отдыха и новых сил, имел, вероятно, не мало случаев решить, который из двух отзывов ближе к действительности.

Следя за происходящими в Европе событиями, Гоголь любил знакомиться с ними по газетам. К его услугам было Казино, где в читальной зале можно было получать вышедшие тогда в Европе журналы и газеты. Другим литературным центром был славившийся тогда «Филармонический Кружок», в котором, по злomu отзыву **M-me de Solms**, «никогда не было слышно музыки» и где в маленьких и темных залах собиравались преимущественно англичанки, чтобы читать «газеты, которые почти никогда не получались». Русские дамы, составлявшие по указанию автора «сливки города», этим кружком пренебрегали.

**
*

Дни Гоголя проходили между отдыхом и трудом. «Я продолжаю работать, т. е. набрасывать на бумагу хаос, из которого должно произойти создание «Мертвых Душ». Такие открываются тайны, которых не слышала дотоле душа», писал

он Жуковскому. Сознывая огромное значение поставленной им себе задачи — «хочу насильно заставить себя что-нибудь сделать», сообщил он Языкову, — Гоголь пробовал вести жизнь «уединенную и преданную размышлениям», для чего даже виделся с друзьями «не так часто, как бы мог».

И все-же, несмотря на то, что «погода прекрасная, всегдашнее солнце, не работается так, как бы хотел», жаловался он Языкову, в ответ на сетования его на нездоровье. «Я сам тоже одолеваем разными недугами, писал ему Гоголь, тем более несносными для меня, что они наводят томление, тоску и мешают как следует работать».

Надо было снова думать Гоголю о серьезном лечении, так как стали возобновляться пугавшие его замиранья. Приближался Великий Пост; Гоголь решил ехать говеть в Германию, поближе к Жуковскому. Кстати надумал он обратиться за советом к пользовавшему его и ранее, прославленному доктору Коппу во Франкфурте.

В начале марта выехала в Париж Смирнова. 6-го был день ее рождения и оставшиеся в Ницце друзья вспоминали ее у Виельгорских. Гоголь, решивший ехать на следующий день и уведомивший об этом остававшегося в Риме А. А. Иванова, на прощанье, как настоящий «директор совести», читал собравшимся отрывки духовного содержания, а с Виельгорских взял торжественное обещание не предаваться унынию. Он оставил им составленные им «правила» быть «твердыми и веселыми духом», истекавшие из его душевного опыта и «подтвержденные святыми примерами». За чтение этих «правил» Виельгорские должны были приниматься во «всякую горькую и трудную минуту, помолившись внутри себя, сильно и искренно».

Завершив таким образом свою мистическую миссию в семье Виельгорских и получив на дорогу только что прибывший от Шевырева перевод, за который он его еще успел поблагодарить до отъезда, 7-го/19-го марта 1844 года Гоголь покинул радушную семью друзей и гостеприимное ниццкое побережье, чтобы вскоре по указанию франкфуртского авторитета заменить пребывание у южного моря лечением морскими купаньями в Остенде.

**

*

Отъезд Гоголя, как и его приезд в свое время, прошел внешне незамеченным. Но пребывание его в Ницце не оставило, как это ни странно, никаких следов и на его творчестве

и только несколько строк в письмах его к ближним и редкие и случайные отзывы и заметки современников восстанавливают для нас дни проведенные им здесь. В биографической литературе о Гоголе этим месяцам посвящены лишь несколько коротких замечаний.

Ниццкая хроника, с своей стороны, жадная и падкая на все, что связывает город с пребыванием или проездом даже случайных знаменитостей, не съумела похвалиться проживанием в Ницце в поисках отдыха и здоровья одного из великих представителей мировой литературы. Так, повидимому, бесследно ушло все, что позволило бы связать имя Гоголя с Ниццей.

Правда, Музей Массена хранит в одной из своих витрин небольшой предмет, якобы принадлежавший Гоголю и им подаренный офицеру Пьемонтского флота — Алзиари де Малоссена*).

Это — рожок для пороха, украшенный серебром, чеканной киргизской работы. К сожалению, никаких следов знакомства Гоголя с Малоссена не удалось найти, а самый предмет так мало похож на вещи из его обихода, что, несмотря на всю увлекательность отыскать в Ницце что-либо, принадлежавшее и бывшее в руках Гоголя, приходится отказаться от заманчивой мысли связать этот рожок с нахождением Гоголя в Ницце.

Александр Шик

*) Jean-Albert, ум. в 1849 г., кавалер разных орденов, в том числе и русского — Св. Станислава.